

БЕЗ СУЕТЫ, планов и намерений

Второй приезд в Тимонику

О смысле Рёхэй Ясуй

С любовью к России. Не только к русской культуре, даже не к феномену русской литературы, чувством, нежно хранимым в сердцах многих читающих людей на планете...

«Русскому японцу» - так подписал для него одну из своих книг академик И.Р. Шафаревич. Да и некоторые маститые японские русисты называют его между собой «русским». И я не слышал, чтобы так говорили о других, хотя в Японии есть немало ученых с именем, блестяще владеющих русским языком.

Отчего так? Может, потому что Ясуй-сэнсэй учился понимать Россию у русской художницы Варвары Дмитриевны Бубновой, до сих пор высоко почитаемой в Японии, учился смотреть на Россию глазами своих друзей-шестидесятников, измеряющих Родину личной судьбой.

Василий Иванович Белов - один из немногих, кто нашел и сберег часть, осколок навсегда ушедшей в «светлое будущее» прежней России, растерявшей тысячелетнюю историю по истерзанным безлюдным деревням.

В оставленных деревнях русского Севера, отрезанных от обезумевшей цивилизации, спрячаны следы многовекового пути превращенности русской культуры. Там, среди остовов порушенных церквей и поросших иван-чаем сброшенных куполов, нет исследовательских центров по изучению культурного наследия. Часто там нет даже людей. И лишь отдельные чудачьи-антисуи до сих пор сражаются за неведомые никому памятники старины и архитектуры.

Путь известного японского профессора к рус-

ским истокам лежал через полуживую инфраструктуру российских вокзалов и поездов, по замороженной глине разубабистых и вечно строящихся русских дорог.

Профессор Ясуй и писатель Белов стали друзьями. «С Беловым мы поняли друг друга сразу», - скажет позже профессор в одном из своих интервью.

Когда-то очень давно, когда народами управляли старейшины, международной политикой тоже занимались мудрецы. И если мудрецы были дружными, их народы становились братьями.

Когда-то в алтаре тимонихинской церкви стояли колхозные трактора. В Тимонихе осталось всего несколько домов, и у некоторых из них, возможно, уже не будет наследников. Из Тимонихи ушли почти все, кто мог, и остались лишь несколько стариков, и сколько еще таких тимоних по России, а сколько уже и нет.

Дерева со смешным бабьим названием - Тимониха - это Россия в миниатюре, тщательно выписанная кистью Василия Белова.

Очерк профессора Ясуи - не единственная его работа о России. На протяжении 30 лет работы в токийском университете Васуда на кафедре русской литературы им написано множество (более 350) работ, включая статьи, комментарии, научные выступления и много другое. В Японии он известен как один из самых крупных ученых-специалистов по России, о которой всегда пишет с глубоким пониманием и неизменной любовью.

Вячеслав ЛУНИН, переводчик.

Рёхэй ЯСУИ

У писателя Василия Белова, в его родной деревне Тимонихе, во второй раз мне довелось побывать в 1994 году, с 24 по 28 августа.

В первый раз я ездил туда в январе 1991 года, вскоре после знакомства с писателем.

Тогда поехали мы с женой и мой друг литературный критик Кожин с женой. Там у Белова мы праздновали старый Новый год.

Тогда же Белов подарил нам «Кануны» и написал на развороте книги, чтобы мы обязательно приехали в Тимонику летом.

Чтобы добраться до Тимоники, надо доехать до Вологды, что в пятистах километрах на север от Москвы, потом девятьсот километров поездом на север от Вологды, до города Харовска, а там еще восемьдесят километров по дороге к западу от Харовска в глубь северных лесов.

Поезд отправился из Москвы 23 числа, в половине одиннадцатого вечера, и прибыл в Харовск на следующий день утром, в половине десятого. Одинадцать часов от Москвы. Всею ночь мы с женой и наш попутчик не сомкнули глаз из-за неукротимого храпа четвертого пассажира купе - армянина средних лет, здорового и круглого, как боченок.

На платформе Харовска нас окликнула Лида, родная сестра Белова. Глаза у нее - в точности как у Василия Ивановича. В профиль она очень похожа на маму на фотографии, которую я однажды видел.

Как выяснилось, Лида приехала из Вологды на том же поезде, что и мы, специально, чтобы нас встретить. В те несколько дней, что мы вместе провели в Тимонихе, готовила для всех нас Лида, поэтому в первую очередь хочется поблагодарить её за радушие. Она по-настоящему добрый, хороший человек.

У станции нас ждала машина типа джип. Салон автомобиля, вероятно, почистили бензином перед нашим приездом, и поэтому так нестерпимо пахло. Для меня это было просто невыносимо, как для человека, не любящего машины вообще. Но пришлось с этим смириться, тем более что приветливый водитель навел порядок в автомобиле специально перед нашим приездом.

Половина почти восьмидесятикилометровой дороги от Харовска до Тимоники грунтовая, в выбоинах. Мы неслись по этой дороге, не замечая за разговорами скорости. Машину подбрасывало и кидало из стороны в сторону, и нас тоже подбрасывало чуть не до самого неба. А за окном тем временем тянулись не очень веселые пейзажи и разворачивалась трагедия, казалось, навсегда раскисшей от слякоти дороги.

В прошлый наш приезд зимой ямы на дороге были завалены снегом. Мы замирали от страха, когда даже наш опытный водитель с трудом удерживал машину на безукоризненно ровной дороге, ставшей скользкой от мороза, ударившего после недавних дождей.

Строительные самосвалы и грузовики, словно в насмешку, разрезают здесь на бетонной скорости, уродуя тяжелыми колесами без того разбитую дорогу.

По пути открываются виды совершенно не такие, какие мы видели зимой, с её белоснежными равнинами и мрачными черными лесами. Кажется, будто и не бывал здесь никогда прежде, так все наполнено яркими цветами и светом. А в лесу уже желтеют кое-где осенние листья.

По пути встречаются заливы солнцем деревянные и производят не такое мрачное, как зимой, а светлое и доброе впечатление. Но надо признать, что больше стало разрушенных, брошенных домов.

Каждый раз, когда мы проезжали мимо деревни, Лида печально вздыхала и рассказывала, что во времена ее детства здесь было около ста домов, а теперь лишь несколько, а в этой деревне было особенно шумно, был даже перекресток дорог, а теперь, видите, только два-три дома-то и осталось.

Встретились два магазина, куда, как и раньше, люди приходят словно охотники за добычей. Мы заходили туда. Продавалось что-то из одежды и обуви, письменные принадлежности и вода.

Хоть и говорит, что Москва, Петербург и другие крупные города переполнены всевозможными товарами, сюда, как видно, эти блага пока не доходят.

Лида воскликнула, чтобы мы посмотрели в сторону. Семья цыган, муж и жена лет тридцати, управляли каждый своей телегой, запряженной лошадей. К одной из телег была привязана корова. Рядом шел ребенок. Лида предположила, что ребенок, видимо, не один, поскольку у цыган обычно бывает по много детей, и что в телеге под покрывалом наверняка спят еще несколько ребятишек. В последний раз Лиде приходилось видеть здесь цыган сорок лет назад.

Когда после я спросил у Белова, выяснилось, что недавно цыгане встали табором неподалёку и занялись перепродажей овец.

В пятнадцать минут двенадцатого мы были уже в Тимонихе, у дома Белова. Так что на дорогу от станции в Харовск ушло примерно полто-

ра часа.

Через некоторое время вернулся от соседей и сам Василий Иванович, неся от них большой кусок очищенной от костей баранины.

II

Тимониха расположена на пологом холме, на котором без определенного порядка стоят деревянные дома. Зимой они словно сопротивлялись белоснежному злому холоду и были торжественными и важными. Но теперь, казалось, они улыбались нам нежной, мягкой улыбкой.

Белов рассказывал, что название деревни зарегистрировано еще в документах 1626 года, что название происходит от человека по имени Тимофей. И что семья Беловых поселилась в здешних местах после 1720 года.

У холма, в неглубокой долине протекает река Сохта - полноводная, с довольно быстрым течением. Начало она берет в дальнем лесном озере. Жители деревни до сих пор используют речную воду как питьевую. Вода и в самом деле хороша. Ходит туда на водопой и домашний скот. Богата река и рыбой. А вдоль берега стоят небольшие домики - семейные бани.

На тундучицах по обе стороны реки холма стоят еще несколько деревень. Все они состоят из бревенчатых рубленых домов и бань.

Недалеко от Тимоники проходит грунтовый тракт, продолженный усилиями Белова в бытность его депутатом Верховного Совета. По этой дороге - единственной, связывающей район с внешним миром, иногда на большой скорости, поднимаемая пыль, с ревом проносятся самосвалы и грузовики. Но автомобильный дорожный шум не доносится до дома Белова, что расположено почти в самом центре деревни.

С наступлением ночи дорога словно вымирает, освещенная круглой и чистой луной, и серебряный туман покрывает землю.

Выключая в комнате свет и смотря в окно, люблюсь величественной, первозданной красотой природы. Ничто не нарушает тишины.

В прошлый раз, зимой, все небо было густо усыпано звездами. Никогда прежде не ви-

дел я ни столько ярких звезд, ни такого, как здесь, бездонного, всепоглощающего ночного мрака. Но больше всего мое сердце покорило осенней свежестью необыкновенно чистого воздуха.

А летом, когда в траву и в полях буйно цветут лесу, воздух наполняется «сладким цветочным ароматом».

Правда вот, не дают покоя тучи комаров.

III

Дом у Белова типично северорусский крестьянский, рубленый. Трёхэтажный - довольно большой. На южную сторону к дороге выходят шесть окон. Пржегид дом, как мне сказали, был ещё больше.

На первом этаже мастерская и кладовая, место для хранения зерна и помещенье для домашней живности.

На втором этаже расположены чулан, туалет и жилая часть дома, состоящая из трёх комнат. В одной из них, площадью в 25 - 26 кв.м., - три окна. В юго-восточном углу комнаты - иконы, под ними большой стол и короткие скамейки - стулья.

На столе книги - свои и Распутина, письменные принадлежности. Там же стоит проигрыватель и лежат пластинки к нему с православной духовной музыкой и сочинениями Чайковского, которые Белов любит слушать.

Почти в центре комнаты - печь. Вдоль стены стоят две кровати. Стены украшают несколько икон и картин, висит старинное ружье и сарафан.

Эту комнату хозяин любезно предоставил нам с женой на время пребывания в гостях.

В соседней через дверь комната - кухня и печь. Всё это можно увидеть на фотографии, помещённых в коллекционное издание «Лад».

Готовить можно в печи или на электрической плите. Рядом пара ведёр с принеённой из реки водой.

Эта комната небольшая, в одно окно.

Следующая комната - гостиная и столовая, шириной в два окна. Здесь - большой стол. На нём - как на фотографии в «Ладе» - большой красно-золотой самовар.

Под окнами вдоль стены стоит скамья. Ближе к кухне расположен диван, на котором можно спать. Здесь же большой черно-белый телевизор, радио, телефон, шкаф. За шкафом кровать Белова.

Спать можно также и на печи.

Чуланы есть в обеих комнатах, в одном из них тоже приспособлена кровать.

На третьем этаже сделан ремонт, и теперь там рабочий кабинет.

У окна очень простые стол и стул, там же стоит кровать. Первое, на что обращаешь внимание - бюст Шукшина. На стене несколько икон и картин. Среди них принадлежат кисти самого Белова. Отопления на третьем этаже нет никакого, поэтому с наступлением холодов Василий Иванович работает на втором этаже.

Дом, в котором теперь летняя кухня, построенный почти сто лет назад, первоначально принадлежал семье матери Белова.

Продолжение следует.

У д. Лад - японские единицы измерения жилой площади, несколько больше 1,5 кв.м.

Фот. Андрей ШУКШИН

БЕЗ СУЕТЫ,

планов и намерений

Второй приезд в Тимонику

Рёхей ЯСУИ

Продолжение. Начало в «Зеркале» от 19 марта.

Сразу же после свадьбы молодые родители Белова поселились в доме, построенном отцом Василия Ивановича.

Во время второй мировой войны отец погиб, и мама одна поднимала пятерых детей - троих мальчиков и двух девочек.

После смерти тетки Белова, жившей в фамильном доме по праву наследства, семья Беловых снова переехала в старый дом.

Дом, построенный руками отца, где с братьями и сестрами рос Василий Иванович, продали в трудные для семьи годы. Позже этот дом разрушился, но совсем недавно Василий Иванович восстановил его своими руками, и теперь там тоже его рабочий писательский кабинет.

В этом доме за печью, к нашему удивлению, мы обнаружили водосливной туалет, вероятно, единственный во всей округе. Туалет, что в основном доме, - обычный деревенский, конечно же, неотапливаемый (сколько усилий приложено, чтобы избавиться от запаха).

До сих пор стоит у реки банька, в которой Белов родился. Как известно, на севере России в старину женщины рожали в банях.

IV

Раньше в Тимонике было двадцать три дома, а теперь - только шесть. И следа не осталось от дома, что еще в прошлый наш приезд стоял неподалеку от дома Василия Ивановича, а на месте его буйно растут розовые цветы иван-чая.

Этим летом сюда приезжали молодые семьи с детьми, и деревня словно ожила. Зимой же здесь живут только семь человек: один старичок, пять бабушек и еще мужичок средних лет, любитель выпить.

Василий Иванович живёт в основном в Вологде и приезжает сюда зимой очень редко.

Старики живут в деревне сообща, помогая друг другу. Кормят домашних животных без различия - где чьё. Сразу и не поймёшь, кто хозяин.

В самом деле, всех этих коров, лошадей, кур, кроликов, овец, кошек и собак из беловских «Рассказов о всякой живности» можно считать полиоправными обитателями деревни. Ведь именно они помогают в деревенской жизни и скрашивают однообразие.

Жизнь в деревне начинается утром с выгона скотины на пастбище, заканчивается возвращением с пастбища вечером.

Среди прихожан была молодая мама, которая пришла в церковь пешком по той самой единственной дороге, что связывает район с внешним миром. Потом она возвращалась обратно по той же дороге. Шла долго, толкая перед собой коляску, и их было видно, пока её маленькая фигурка не исчезла за горизонтом.

До сих живут в деревне две собаки. Одна - маленькая, лает на всех без разбора. Белов зовёт её Пустозвоном. Говорит, что по характеру она в своего хозяина - любителя выпить. Вторая собака настолько толстая, что вначале я перепутал её с бараном. Она совершенно не лает, зато регулярно обходит все дома с визитом. Пустозвон в деревне недавно. По крайней мере, зимой его ещё не было.

В прошлый приезд зимой мы видели трёх кобелей, которые согривались на двадцатиградусном морозе, сбившись вместе. На них невозможно было смотреть без слёз. Василий Иванович рассказал нам, как одного из них застрелили. Этот пёс и раньше уже нападал на овец, и за это хозяин овец чуть не убил его однажды, но пожалел, отрезал ухо и отпустил. Через несколько дней пёс опять вернулся и, вероятно, не в силах забыть вкуса баранины, снова набросился на овец. На этот раз хозяин овец уже не простил и застрелил его из ружья.

V

Окрестности деревни Тимоники относятся к Никольскому приходу. И теперь главная новость прихода - восстановление церкви.

Церковь стоит на возвышенности в двадцати пяти минутах ходьбы от Тимоники, и теперь её видно издалека. Церковь расположена рядом с озером, и особенно красиво её отражение в воде.

Раньше в здешних местах очень сильна была вера. Основные в конце XIV - начале XV веков Ферапонтов и Кирилло-Белозерский монастыри считались святыми местами Киевской и Московской Руси. Распространено здесь было и паломничество в Иерусалим. И даже после революции не уменьшалось число людей, желающих креститься и вынужденных делать это тайно.

Местную церковь, построенную из кирпича почти 130 лет тому назад, после революции превратили в начальную школу, в которой, кстати, учился и Василий Иванович Белов, а потом переделали в гараж для колхозных тракторов. Позже, в течение нескольких десятилетий, церковь была заброшена.

Зимой я видел кое-как сваленный за церковью изуродованный церковный купол. А от дополнительной зимней церкви, колокольни и дома священника не осталось и сле-

да.

Три года назад Белов начал восстанавливать эту церковь на свои деньги, лично принимая участие в работах, и теперь, наконец, церкви возвращён надлежащий вид.

Церковный иконостас Белов тоже сделал своими руками.

После окончания школы он был плотником, так что опыта ему не занимать.

Церковное кладбище он тоже привёл в порядок, построил ограду. Три года назад умерла мама Василия Ивановича. Она похоронена на этом кладбище.

Как раз к 26 августа - дню Успения Богородицы - из Вологды были приглашены священник с помощником, поскольку постоянного священнослужителя в церкви пока нет. Приглашены, конечно же, Беловым.

Раньше в такие дни собиралась молодёжь из соседних деревень, всю ночь плясали и до утра пели песни. Говорят, было весело и шумно.

За день до праздника - 25 августа крестили детей. Внутри церкви мы увидели семь младенцев в сопровождении целой толпы родственников. Откровенно говоря, я не думал, что в приходе столько молодых семей. Все они приехали на машинах, по всей вероятности, из дальних деревень.

Среди прихожан была молодая мама, которая пришла в церковь пешком по той самой единственной дороге, что связывает район с внешним миром. Ребёнка она привезла в коляске издалека. Потом она возвращалась обратно по той же дороге. Шла долго, толкая перед собой коляску, и их было видно, пока её маленькая фигурка не исчезла за горизонтом. На меня всё это произвело очень глубокое впечатление.

VI

«В деревне время проходит незаметно. Не нужно торопиться на электричку и нервничать в ожидании автобуса, как в городе. Здесь захотел работать - работай, захотел спать - спи. Делай, что хочешь и когда хочешь».

И на самом деле всё так, как говорит Белов, и время в деревне течёт медленно.

По утрам Белов весело интересовался у нас: «А какой на сегодня план?»

«Плана нет никакого», - отвечали мы, глядя на светящееся улыбкой лицо Василия Ивановича.

И так каждое утро в течение пяти дней в Тимонике - безо всяких планов и намерений.

Мы проводили время за чаем и разговорами с Василием Ивановичем и его сестрой Лидой. Ходили с Беловым в церковь или в соседнюю деревню. Ходили умыться к реке и с холма, что у реки, любовались церковью... А утомившись, грелись на солнышке, лёжа в душистой траве цветущего луга.

Через пару дней с нами уже здоровались местные жители.

Окончание следует.

Фото Дмитрия СИМБИРЦЕВА

Фотография из книги «Лад».

За большие заслуги в развитии отечественной литературы орденом «За заслуги перед Отечеством» четвертой степени награжден писатель Василий Белов. Указ о награждении подписан 17 марта 2003 года Президентом России Владимиром Путиным. А вчера, 25 марта, епископ Вологодский и Великоустюжский Максимилиан вручил Василию Ивановичу церковную награду - орден Преподобного Сергия Радонежского III степени. Подробности - в следующем «КС»-«Зеркале».

Вологодчина глазами японца

БЕЗ СУЕТЫ, БЕЗ СУЕТЫ, планов и намерений

Второй приезд в Тимонику

Рёхей ЯСУИ

Окончание. Начало в «Зеркале» от 12, 19 марта.

Некоторые старички помнили нас ещё по зимнему приезду. Спрашивали, откуда мы, и нравятся ли нам Тимоники. Мы отвечали, что из Японии, но не было уверенности, что кто-нибудь из них знает, где это находится.

Снова, как и в прошлый раз, побывал в бане.

Белов, как настоящий любитель, имеет целых три бани. Первая - та, что строил ещё его отец. В этой бане Белов родился. Вторая пока только строится. Эти две бани стоят у самой реки, но ими никто не пользуется по назначению.

Наконец, ещё одна баня расположена совсем рядом - за домом. Именно эту называют литературной, потому что в ней бывали выдающиеся литераторы - Яшин, Шукшин, Абрамов, Носов, Рубцов...

В этот раз я парился не так, как зимой, а самостоятельно. Правда, Василий Иванович тщательно меня проинструктировал заранее, но баню доверил, а значит, признал.

В прошлую зиму в Тимонике я впервые в жизни побывал в настоящей русской бане и выбежал из неё через полчаса под смех Белова, который парится по два часа подряд.

Теперь же мне удалось продержаться чуть больше часа и получить оценку «удовлетворительно».

После бани чувствуешь себя очень хорошо. Выходишь свежим, словно обновлённым.

Василий Иванович обычно принимает баню два раза в неделю, а для этого очень важно принести несколько ведер воды из реки, что в нескольких сотнях метров от бани.

Как-то утром после завтрака Белов пригласил на прогулку. Отправившись втроем - Белов и мы с женой.

От дома по склону спустились к реке и подошли к двум баням. У той, в которой родился, Белов вдруг весело сказал, что дата его рождения - 23 октября 1932 года - скорее всего, ошибочная, что мама забыла настоящую дату его рождения и поэтому в документы внесли дату предположительную. Говорил Белов на ходу, отрывисто, словно отвечая на одному ему слышные вопросы.

Недостроенная баня служит кабинетом и писательским убежищем от непрошенных гостей (в основном это журналисты). У окна простые самодельные стол и стул. Здесь были написаны некоторые главы «Лада».

Потом мы перешли через маленький мостик и направились к деревне, что на самом вершине холма. О мостике надо сказать, что это, как правило, просто переброшенные через речку доски и брёвна. Мостиков таких очень много. Траву на склоне уже скопили, и теперь здесь пастбище. На первый взгляд холм кажется пологим, но подниматься по нему трудно. Земля слишком глубоко перепахана трактором, образовались канавы. Из-за этого не только трудно ходить. В канавках скапливается вода, и это не очень хорошо для зерна. Белов с грустью вспоминал, что раньше, когда пахали на лошадей, а жали вручную, поле было чистым и мягким, словно бархат.

С конца 20-х годов здесь проводили насильственную коллективизацию и раскулачивание богатых крестьян. В результате настоящих хозяев приговорили к выссылке. Об этом Белов подробно писал в «Канунах». По всей вероятности, трагические собы-

Поэт Михаил Карачёв и Рёхей Ясуи.

тия истории послужили косвенными причинами нынешнего упадка в сельском хозяйстве. Вначале это происходило на местах, но во времена Хрущёва началось крупномасштабная механизация по всей стране. Из центра присылали людей - абсолютных дилетантов в сельском хозяйстве, и они усердно внедряли партийные директивы в сельскохозяйственное производство. В результате у крестьян пропало всякое желание трудиться, а сельское хозяйство совершенно очевидно пришло в упадок и зачахло. Раньше в этих краях выращивали ячмень и пшеницу, обеспечивали себя и жили в достатке. Но директивами из центра животноводство централизовали, а землю урезали. Белов с досадой рассказывал нам, как цензура изыала из «Лада» главу, повествующую о крестьянской зажиточности до революции.

Когда-то у реки стояли четыре водяные мельницы, кроме того, имелись мельницы ветряные. Теперь нет ни того, ни другого. Раньше у каждой крестьянской семьи было отдельное большое помещение для обмолота зерна. До сих пор уцелела только одна такая молотилка, да и та полуразрушена. Теперь там хранят сено.

А в деревне, что напротив Тимоники, осталось всего три крестьянских дома и дом, принадлежащий дачникам из Вологды. Ещё лет десять тому назад, рассказывал Белов, домов было много, а теперь - только развалины да фундаменты, заросшие иван-чаем.

VII

В последнее время Белов работает над статьями, посвящёнными социально-политической тематике, и почти не пишет литературно-художественных произведений.

«Сейчас ничего не пишу. Много надо осмыслить. Если появится желание писать - буду писать», - говорит Василий Иванович.

Вместо этого он пишет картины маслом, и через них выражает настроение: «Словами ли, красками ли - разные нет». И светлую картину с нежными полевыми цветами взяла, конечно же, моя жена.

Для писателей наступили трудные времена. Доходы от авторских гонораров заметно уменьшились. Тиражи первых изданий сократились. Несколько лет назад книги выходили десятками тысяч экземпляров, теперь же - едва ли несколькими тысячами. Соответственно, и авторский процент стал намного меньше.

Почти все сбережения Белов потратил на восстановление церкви. Теперешний его доход определён небольшой пенсией и ещё немного «за литературные заслуги». То есть на поездку в Москву денег не хватает не то что на самолет, но даже на билет в купейный вагон на поезд.

Василия Ивановича чрезвычайно тревожит сложившаяся в последнее время в России политическая ситуация.

Когда на экране телевизора появляются Ельцин, Гайдар, Яковлев и другие «демократы», Белов бьёт по экрану мухобойкой: «Негодня! Мучают Россию!».

Как-то в новостях сообщали, о погибших на таджико-афганской границе русских солдат, и Белов с возмущением

говорил: «Почему молодых русских ребят отправляют воевать за землю, не имеющую отношения к России?»

Из разговоров с Василием Ивановичем стало ясно, что в числе партнёров России он видит прежде всего три страны: Украину, Белоруссию и Казахстан.

Белов с болью часто говорит о том, что российские политики быстро нашли бы выход из кризиса, если бы оказались на месте народа.

VIII

Из Тимоники решено было ехать днём 27 числа, а по дороге в Вологду посетить монастырь, а в Москву отправиться 28 числа вечерним поездом. Такой план составили для нас Белов и его друг из Вологды Михаил Карачёв.

Поэт Карачёв долгие годы с энтузиазмом участвует в движении по охране памятников старины Вологодской губернии. Он помогал нам с женой, когда мы приезжали в Вологду в январе 1991 года и в августе 1992 года, и мы очень ему благодарны за это. 27-го утром мы собрали вещи, приготовились к отъезду и стали ждать, но и после обеда Карачёв не приехал.

Белов в тот день был занят приготовлениями к церковной службе и хлопотал с самого утра.

Вначале мы немного нервничали, но делать было нечего, и по совету Лиды пошли в церковь посмотреть, как проходит крещение. И только через два часа, уже после того, как мы вернулись из церкви, приехали на машине долгожданный Карачёв и с ним молодой водитель Саша.

Однако Карачёв не особенно переживал из-за опоздания, и в результате отъезд перенесли на время после ужина.

Во время ужина Белов и Карачёв увлечённо дискутировали. Василий Иванович по-хозяйски угощал гостей водкой - сам он не пьёт ни капли, а потом развернул гармонь.

До сих пор с удовольствием вспоминаю тот вечер. Конечно же, мы никуда не поехали и остались ночевать в доме Василия Ивановича Белова. Священников планировали разместить на ту ночь в нашей комнате, но поскольку мы с женой снова остались, Лидя очень вежливо и незаметно договорилась о ночлеге для них в соседнем доме.

Мы думали, что поедем утром, но Карачёв сказал, что хочет посмотреть церковь, и мы опять пошли посмотреть церковь.

Как раз после службы мы в первый раз встретили дачника - московского журналиста. Он пригласил нас к себе. Это в двадцати минутах ходьбы от церкви. Там мы тоже не спеша пили чай.

К Белову вернулись только после полудня. Плотное пообедали, снова неторопливо пили чай. Когда поднялись из-за стола, было больше трёх часов дня.

И так продолжалось до самой последней минуты в Тимонике, в которой нет лишней суеты, планов и намерений.